

Земля — наше богатство!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
 На значительно лучших землях, производственные затраты отпадают из каждой тысячи — 670 рублей. А в колхозе имени Карла Маркса Ставропольского края на ту же тысячу рублей приходится всего 300 рублей производственных затрат.

Вот и получается, что после уплаты налогов по одной и той же ставке в колхозе имени Сталина из каждой тысячи рублей выручки для распределения остается значительно меньше, чем в колхозе «Сигнал», а тем более — ставропольском.

Колхоз имени Сталина работает в труднейших условиях и добивается наивысших в районе результатов. Но для распределения в колхозе он получает в нынешних условиях много меньше, чем колхоз «Сигнал», у которого показатели производительности более низкие.

Складывается такое положение, которое в промышленности мы сочли бы неслучайным.

Из-за отсутствия объективных экономических показателей при дифференциации цен и налогов дело доходит иной раз до курьезов. Колхоз имени Кирова Подлинского района Северо-Кавказской области повысил производительность труда на шесть процентов и увеличил чистый доход на 40 тысяч рублей. Общая денежная выручка выросла при этом с полтора до двух миллионов рублей. Как будто хорошо? Но соответственно возросшей выручке налог увеличился на 50 тысяч рублей, что не только полностью поглотило весь дополнительный доход, но и десять тысяч рублей сверх него.

Все это сдерживает рост производительности нашего сельского хозяйства, снижает заинтересованность колхозников в результатах своего труда. И не только в слабых колхозах, но и в хозяйствах, находящихся в наиболее благоприятных условиях.

Как же исправить все эти недостатки? Нам кажется, что главное — в последовательном развитии исторически решенных сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года. Еще совсем недавно результаты хозяйственной деятельности колхоза оценивались в основном по тому, сколько он производил продукции, сколько голов скота он имел, не считаясь с тем, с какой площади он получал эту продукцию. Земля как бы не шла в счет. Пленум четко определил

основной показатель развития сельского хозяйства — это выход продукции на сто гектаров земельных угодий. Теперь в главу угла поставлен вопрос о производительности использования земли — основного богатства. Мне довелось именно в этот переломный период работать председателем колхоза. И я наглядно мог убедиться, как помогло это решение вскрыть огромные резервы, способствовало тому, что за короткий срок наше сельское хозяйство добилось замечательных успехов, о которых труженики села рапортовали сегодня Пленуму Центрального Комитета своей партии.

Сейчас нужды развития производства требуют сделать новый шаг в этом направлении. Сказав «а», мы неизбежно должны сказать «б». Мы должны теперь более глубоко изучать и знать, что способны давать сто гектаров земли в любом из районов нашей страны.

Можно ли это сделать? Да, это вполне выполнимая задача.

Практика экономической оценки земли (составление кадастра) имеет давнюю историю. Богатый опыт накопил ряд стран Западной Европы и США. Значительные работы проводились и в дореволюционной России. Особый интерес представляет сейчас для нас практика оценки земли в Германской Демократической Республике, где вся земля оценена по стабильной системе, в зависимости от дохода, который может быть получен при обычной принятой обработке.

У нас не раз ставился вопрос об оценке земли, создании кадастра. И часто в дискуссиях приходится слышать: — Так ли необходимо затрачивать сегодня средства на проведение сравнительно трудоемкой работы? Обойдемся пока, мол, и без кадастра.

На это можно ответить: разве можно производительность эксплуатировать машину, не зная ее паспорта?

К тому же зря пугаются объема работ по составлению кадастра. Многие уже сделано по изучению почв. Составлены крупномасштабные почвенные карты, интересные работы в этой области проводятся в Почвенном институте имени В. В. Докучаева.

Кадастр нам нужен не как самоцель, а как исходный рубеж для решения ряда основных экономических проблем сельского хозяйства. Изучив глубже экономические особенности земельных массивов в отдельных районах страны, мы сможем более правильно и справедливо устанавливать цены по зонам, отказавшись от административного признака формирования зон. На основе кадастра мы будем устанавливать ставки налога для каждого хозяйства, исходя из оценки его земли. Если, скажем, у одного колхоза земля оценивается в сто баллов, а у другого в пятьдесят, то первый колхоз должен платить больший налог.

В Германской Демократической Республике при составлении кадастра обнаружилась едва ли не самая важная его роль. Результаты обследования почв позволили создать подлинно научную базу для планирования и специализации сельскохозяйственного производства. В ГДР после оценки земли создан аграрный атлас, изготовлены почвенные карты, которые позволяют определить, в каких районах, на каких почвах выгодно выращивать те или иные культуры.

Само собой разумеется, что у нас, при наших бескрайних просторах, различных почвенных и климатических условиях, создание научной предпосылки для размещения и специализации сельскохозяйственного производства сулит колоссальную выгоду.

Думаю, что все эти вопросы заслуживают самого пристального внимания.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЭТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ

СВЯТО чтит советский народ память о своих сыновьях и дочерях, погибших от рук немецких фашистов в годы Великой Отечественной войны. С вниманием и любовью охраняет он могилы погибших, и лучшие скульпторы страны создают памятник бессмертной славы героев.

Надо ли говорить, как это важно и значительно и для памяти погибших, и для воспитания подрастающего поколения в духе глубокого уважения к тем, кто отдал свои жизни на фронтах войны или пал жертвой фашизма. Думаем, что в городах и селах — всюду, где есть могилы жертв минувшей войны, необходимо украшать их цветными, создавая памятники, разбивать у могил скверы.

Именно в этом — пафос статьи В. Некрасова, опубликованной в «Литературной газете» 10 октября 1959 года под рубрикой «Писатель предлагает». Естественно, что это выступление, касающееся трагически известного Бабьего Яра, привлекло особое внимание читателей. В. Некрасов предлагает на месте расстрела установить памятник.

Мы также считаем, что это необходимо сделать в ближайшее время. Но как нам представляется, предложение В. Некрасова требует некоторых коррективов.

У Бабьего Яра создается новый жилой район Киева. Там строятся современные многоэтажные жилые массивы со всеми удобствами. Скоро этот отдаленный район будет связан троллейбусом с центром города. Территория Бабьего Яра будет благоустроена, здесь предположительно разбит парк и в парке установлен памятник жертвам фашизма.

Надо ли сохранять овраг, как он есть? Мы, авторы этого письма, все участники Отечественной войны, жители Шевченковского района, обсудив этот вопрос, пришли к твердому убеждению: нет, не надо. Ведь в той же Лиде не стали сохранять пепелище и место расстрела там, как они были после изгнания фашистов, а разбили здесь розарий. Думаем, что и в данном случае в Бабьем Яру надо создать парк с памятником в центре.

В. ЯРХУНОВ, депутат Шевченковского районного Совета депутатов трудящихся, И. ВЛАСОВ, А. ЕРМАКОВ, В. ЕСНПОВ, А. КОНЧИЦ, П. КУРОЧКИН, А. МИХАЙЛОВ, В. САРАЕВ

Киев

ПОЧИН О всех

На Парнас За Навиные

дел своих на пенсии. Г. А. Мартыненко задумал переселиться на Парнас. Но ведущая туда прямая дорога пугала крупным подъемом. Не легче ли по окольной? И Гавриил Андрианович решил воплотить в литературу заросший бурьяном тропку.

Конечно, рукописи на базаре не продаются. Но купить право на место в литературе, чтоб приблизиться к издательским кассам, вдыхать аромат издательских и солидных гонораров, очень хочется. Особенно тому, у кого нет таланта и есть деньги. Из весьма приличной пенсии можно уделить толкучку — оплатить услуги по доставке на Парнас. Тем более, что там все воздвигается сторней...

Только, будьте добры, расписочку, — разливала Гавриил Андрианович, отсчитывая монеты. — Я не бюрократ, однако всякое случается...

И, действительно, случилось. В редакционной кабинете «Литературной газеты» этот сонливый писательский слыва яростно потирает целый пачкой расписочку... За статью, за рецензию... За подбор архивных материалов... За вторую главу... Деньги выданы сполна... Нет, не зайцем пробирался Гавриил Андрианович в писательский пух, «за свои кровные» покупал облюбованное право.

Но, позвольте, недоумевали собеседники, ведь ни в одном преysкуранте не значится подобная «продукция», ни в одной кассе не продаются патенты на писательское ремесло.

Ох, и наивные вы люди! — рассмеялся Мартыненко. — Конечно, официально, в государственном масштабе, такое не практикуется... Но я-то рещал по-своински, в индивидуальном, так сказать, порядке, без печати и штампов...

Несколько часов длится наш разговор. Все уже ясно, расставлены точки и запятыя. Хочется подняться, вымыть руки. Но Мартыненко не смущен, скорее, возмущен разговором. По-прежнему он агрессивен, пытается наступать. Хрипловатый его голос переливается всеми регистрами, звучит то металлом, то соловьиными трелями.

Странные у вас литераторов, взгляды... Не сочувствуете молодому писателю... Извините, забюрократились... Ведь я наглядным выкладывал, от себя, от семьи отрывал, а взамен что получил?... Брак, который ни одно литературное ОТК не пропустит... И я же виноват!

Но ведь вы затеяли авантюру. — Ерунда. У Лопе де Вега целая контора была, у Дюмов большой штат, да мало ли так поступают, — атаковал Мартыненко. — Трудно я оплачиваю? Оплачиваю! Ну, а кто платит, тот и хозяин товара... Товарал О каком «товаре» идет речь?

На Парнас За Навиные

ФЕЛЬЕТОН

О книге, которую Мартыненко по договору с Военным издательством должен был представить 1 ноября 1959 года. Книге о выдающемся герое гражданской войны и талантливым организатором социалистического строительства. (В этой гразной истории не хочется упоминать имя славного сына Родины.)

Почему же такой почтенный труд превратился в «товар», в предмет купли-продажи, грязных махинаций и горшаческих расчетов?

Пожалуй, наиболее убедительный ответ дает сам Мартыненко. Вернее, его единственно известное нам самостоятельное произведение, написанное в эпистолярном жанре. Это — последние его батраки по писательским делам, бывшему журналисту. Кстати, оно раскрывает и творческие методы, и язык, и стиль, и душу этого кандидата на Парнас:

«...за мои деньги, которые я вам давал на прожитые, вы работали месяцами в архивах, выписывая первоисточники на имя, а для себя, не для моей рукописи исторической, а для повести своей... Види эти тетради, все, что записано там из дела по моему указанию, принадлежат мне, а оплатил ваш труд, вы получили с меня за это выписки 2 200 рублей...»

Как это называется? Мошенничество или жульничество с вашей стороны. Тыфу, гадость какал!

Еще подлее поступок совершил вами — это в отношении написанной рукописи для Воениздата. Вы здесь поступили, как заправский мошенник. Вы и только вы, сорвали представление моей рукописи в срок согласно договору. Я никогда не ожидал такого мошенничества трюка...

Фактически вы, несчастный лун, писали все время, все 6 месяцев, свою рукопись, с тем чтобы ваша повесть вышла в свет быстрее моего очерка. Больше того, вы настолько обогнали, что требовали ежемесячно по 500 руб., и я вам их давал. Как же, существовать-то надо человеку — трудится! А этот человек, если его можно человека назвать, жрет и пьет на мои деньги и пишет себе повести. Вернее, себе напишет пять страниц, а Мартыненко одну страницу...

Я категорически возражаю и запрещаю вам передавать свою рукопись, раньше чем будет передана вся рукопись в Воениздат. В противном случае я буду обжаловать этот вопрос в соответствующие инстанции.

Любопытно, какие для данного случая существуют «соответствующие инстанции»?

А как точно понимает Гавриил Андрианович «творческий процесс» братьев-писателей, всю технологию создания книг:

«...До какой чистоты вы доходили даже в мелочах. Я вам дал стопу бумаги в 250 листов для рукописи, вы передали мне черновиков исписанных 75 листов, а завели мне, что бумага вся вышла, и я вам через несколько дней принес еще стопу в 250 листов...»

Я верю, что бумага вся вышла: 175 листов вы коварно истратили на свою рукопись! Вот как вы писали рукопись нашу для Воениздата?

Какое прелестное творческое содружество, продолжавшееся, кстати, несколько лет. Какие характеры, нравы, страсти, тонкие расчеты! Какой вдохновенный литературный дуэт, построенный на эксплуатации, взаимном торгашестве и обмане! И это он должен был подарить читателям книгу о героине больших исторических событий гражданской войны, воссоздать колоритную, полную романтики, самобытную фигуру революционера, самородка, началника, патриота, раскрывшего большую жизнь человека с юных лет отданную партии, народу.

Мартыненко, действительно, был участником гражданской войны. Он знал и этого героя, какое-то время служил под его командованием. Достаточно ли этого, чтобы через сорок лет стать летописцем таких событий?

Нет, Мартыненко подписывал договор с издательством не как литератор,

у которого созрела книга, не как участник описываемых событий, которому есть что рассказать, а как предприимчивый делец, ухватившийся за выгодную сделку. Он влезал за гуж, зная, что не дюж. Он делал ставку на чужой труд, рассчитывая на чужую голову, опираясь на чужие руки. Или он собрался «нар загребать»?

Но литераторы у нас не продаются. Ни оптом, ни в розницу. Нет и конторы по прокату писателей. С ног сбился Мартыненко, в десятки дверей подлягивал, пока обнаружил подходящий ему редкий экземпляр человеческой породы. Или оказался Н. Анапский, журналист, уже давно отошедший от работы в печати. Накладился он в стесненных материальных условиях. Вот за это и ухватился Мартыненко. Он прельщался авансами, прогрессивными, премьными, обещал оплату помесичную, повременную, аккордную, сдельную... и сердце Анапского не устояло.

Незавидную, вызывающую возмущение роль играет в этой истории и вторая сторона. Только тот, кто потерял уважение к себе, к своей обзавывающей профессии, к своему почетному труду, мог пойти в услужение к делеце-подлячнику, согласиться на условия, противоречащие традициям нашей печати, роняющие достоинство советского человека.

Но и этот человек не вытерпел и взбунтовался. Он отказался тащить на своих плечах кулака в литературу. И ни заклинания, ни угрозы, ни бумажники, ни ласки Мартыненко не помогли. Он остался у подножия Парнаса.

В советской литературе существует творческое содружество участников больших событий, людей большой жизни с писателями, но оно строится совсем на других принципах — на узаконенном совместном труде.

Мартыненко не пошел и не мог пойти таким путем. Он скрыл от издательства, что книгу готовит и пишет другой человек. Он влезал за тему, для раскрытия которой не имел ни достаточного количества воспоминаний, ни знания событий, ни дара воссоздавать эпоху и человеческие характеры.

На несколько месяцев засадил он своего секретного подполчного в разные архивы собирать материал о человеке, чью жизнь хотел живописать, о событиях, к большей части которых не имел отношения. Именно на этом материале человек, собравший его, и должен был написать «книгу Мартыненко».

Один договор с Воениздатом не удовлетворил Мартыненко. «Автор» завязал отношения с издательствами Краснодар, Ставрополь, Ростов, Сталино, проталкивая «свою книгу».

«Начинающий писатель» Мартыненко за несколько часов разговора в редакции ни разу не коснулся творческой темы. Он не смог нам рассказать, какой должна быть книга, которая по договору уже должна была лежать давно на редакторском столе.

Я не захватил с собой план-проект. Там расписаны все отдельные главы... А из головы трудно обрисовать. Но эта же голова без труда и перышки «рисовала» всевозможные денежные вариации, связанные с несущейся книгой, с убытками по ее созданию, с затратами на проком своего помощника. О деньгах, товаре, подачках, коварствах батрака он рассказывал горячо, страстно, в нем клокотал темперамент скупого рыцаря, находилась «образные» выражения, кричала «душас». Это была его стихия — стихия делачества, расчетов, стяжательства. Не угроза, нависшая над книгой, взволновала Мартыненко, а то, что «плакали, каиссь, мои денюжки».

Денюжки, видимо, действительно, плакали. И, каемся, не сочувствием Мартыненко. Право, ему поделом. Не приживутся в нашей литературе ни кулаки, ни батраки — они ей противопоказаны.

Нет, не пробраться Гавриилу Андриановичу окольным путем на Парнас. Туда ведет дорога совсем иная.

Леонид ЛУБАН

ДЕТЯМ — ХОРОШИЕ КНИГИ

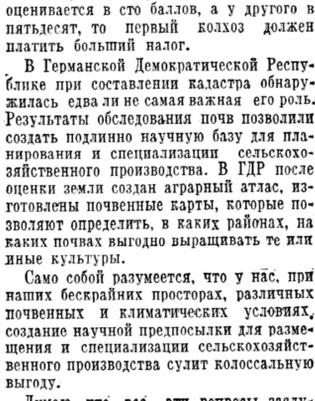
Недавно в Сталинабаде закончился пленум правления Союза писателей Таджикистана, посвященный вопросам развития детской литературы республике. Докладчик поэт Мирсаид Миршакар отметил, что за последние годы отряд детских писателей значительно вырос. Дети полюбили произведения П. Толкина, А. Бакхора, М. Фархата, А. Ортыкова, А. Шарифи и других.

Выступавшие говорили и о том, что, к сожалению, не всегда детские писатели подходят к своей работе с чувством должной ответственности. Многие произведения критиковались за низкий художественный уровень.

В Таджикистане переведено и издано немало книг для детей, написанных русскими литераторами и литераторами других братских республик. Факт отчаянный. Тем не менее участники пленума выражали неудовлетворенность качеством некоторых переводов.

Надо полагать, что пленум окажет влияние на дальнейшее развитие важной «отрасли» современной литературы.

На Земле Цеминной

«Обед в бригаде» — так называется эта картина Р. Галицкого, запечатлевшая типичную сцену на полевом стане.

ТЕ САМЫЕ...

Герои наших книг... Обезбуженной за много лет «самоходкой». Далековато? Смеется: «Не страшно возвести новые дестские ясли и отличные клуб, вместе с другими колхозниками ввязаться за сооружение знаменитого «Большого Рязанского кольца», учредить персональную пенсию для престарелых колхозников. Ее сегодня получают свыше двухсот ветеранов сельхозартели — твердо, ежемесячно, на всю жизнь...»

Каков рывок, — здорово ведь! — Нет, — говорят в колхозе, отводя любую громкую фразу, — «Здорово» — это пока не про нас. В иных рязанских колхозах сегодня увидишь такое истинно новое, о чем нам мечтать да мечтать. А наше для нас вроде некоей «нулевой отметки» — от нее нам идти вверх по всем статьям.

Мы попали в «Красное знамя» в самую кипучую пору, в дни, взбурленные вестью о предстоящем Пленуме ЦК КПСС. Много значат на селе эти слова: «Пленум ЦК», потому что каждый Комова председателем «Красного знамени». Тоскливое наследство принимал он от своих неудачливых, запутавшихся в долгах предшественников: минус 300 тысяч рублей на артельном балансе, запущенные поля и захудалые животноводство. Трудодень — 200 граммов хлеба...

Это были дни, когда коммунисты сельхозартели поднимали людей в новый путь. Когда среди высокооплачиваемых стали обнаруживаться самоотверженные умельцы, знающие толк в озерной птице (и завели ферму пеккинских уток), в пастбищном деле (наладили кормовую «зеленый конвейер»), в том, как заинтересовать молодежь колхозным трудом (большинство молодых животноводов колхоза сейчас со средним или неполным средним образованием). Таких поддерживали, ставили на самые горячие места. Величайшей же поддержкой им всем были те конкретные, поистине революционные преобразования, что предприняла партия в эти годы во имя расцвета колхозов.

Не сразу и не вдруг, но нащупали высокооплачиваемые, наконец, в цели дел та нагланнейшие стар и злато. МТФ. Один фанг — за десять месяцев в нынешнего года на задних фрезках наладили молотка в четыре с половиной раза больше, чем за весь 1953 год. За эти же месяцы «Красное знамя» выполнило три годовых плана по продаже мяса, пообещав даже посягнуть на новую год еще поладина. Год идет здесь сегодня за три с половиной года!

Фермы в «Красном знамени» потянули за собой другое звено — картофель, а тот в свою очередь — свиноводство. И стало возможным Давать теперь на трудодень «круглый» килограмм хлеба. Да шесть рублей деньгами. Да сено, да овощи... Стало возможным возвести новые дестские ясли и отличные клуб, вместе с другими колхозниками ввязаться за сооружение знаменитого «Большого Рязанского кольца», учредить персональную пенсию для престарелых колхозников. Ее сегодня получают свыше двухсот ветеранов сельхозартели — твердо, ежемесячно, на всю жизнь...

Итак это бывает нередко в нашем журналистском деле, едешь за одним, а потом тебя вдруг захватит другое, непредвиденное. На какое-то время забыт старик Ларцев. О молодом Иване Комове — вот бы о ком надо писать! Вспомнить, как семь лет назад избрала Комова председателем «Красного знамени». Тоскливое наследство принимал он от своих неудачливых, запутавшихся в долгах предшественников: минус 300 тысяч рублей на артельном балансе, запущенные поля и захудалые животноводство. Трудодень — 200 граммов хлеба...

Итак это бывает нередко в нашем журналистском деле, едешь за одним, а потом тебя вдруг захватит другое, непредвиденное. На какое-то время забыт старик Ларцев. О молодом Иване Комове — вот бы о ком надо писать! Вспомнить, как семь лет назад избрала Комова председателем «Красного знамени». Тоскливое наследство принимал он от своих неудачливых, запутавшихся в долгах предшественников: минус 300 тысяч рублей на артельном балансе, запущенные поля и захудалые животноводство. Трудодень — 200 граммов хлеба...

Итак это бывает нередко в нашем журналистском деле, едешь за одним, а потом тебя вдруг захватит другое, непредвиденное. На какое-то время забыт старик Ларцев. О молодом Иване Комове — вот бы о ком надо писать! Вспомнить, как семь лет назад избрала Комова председателем «Красного знамени». Тоскливое наследство принимал он от своих неудачливых, запутавшихся в долгах предшественников: минус 300 тысяч рублей на артельном балансе, запущенные поля и захудалые животноводство. Трудодень — 200 граммов хлеба...

ТЕ САМЫЕ...

Обезбуженной за много лет «самоходкой». Далековато? Смеется: «Не страшно возвести новые дестские ясли и отличные клуб, вместе с другими колхозниками ввязаться за сооружение знаменитого «Большого Рязанского кольца», учредить персональную пенсию для престарелых колхозников. Ее сегодня получают свыше двухсот ветеранов сельхозартели — твердо, ежемесячно, на всю жизнь...»

Каков рывок, — здорово ведь! — Нет, — говорят в колхозе, отводя любую громкую фразу, — «Здорово» — это пока не про нас. В иных рязанских колхозах сегодня увидишь такое истинно новое, о чем нам мечтать да мечтать. А наше для нас вроде некоей «нулевой отметки» — от нее нам идти вверх по всем статьям.

Мы попали в «Красное знамя» в самую кипучую пору, в дни, взбурленные вестью о предстоящем Пленуме ЦК КПСС. Много значат на селе эти слова: «Пленум ЦК», потому что каждый Комова председателем «Красного знамени». Тоскливое наследство принимал он от своих неудачливых, запутавшихся в долгах предшественников: минус 300 тысяч рублей на артельном балансе, запущенные поля и захудалые животноводство. Трудодень — 200 граммов хлеба...

Это были дни, когда коммунисты сельхозартели поднимали людей в новый путь. Когда среди высокооплачиваемых стали обнаруживаться самоотверженные умельцы, знающие толк в озерной птице (и завели ферму пеккинских уток), в пастбищном деле (наладили кормовую «зеленый конвейер»), в том, как заинтересовать молодежь колхозным трудом (большинство молодых животноводов колхоза сейчас со средним или неполным средним образованием). Таких поддерживали, ставили на самые горячие места. Величайшей же поддержкой им всем были те конкретные, поистине революционные преобразования, что предприняла партия в эти годы во имя расцвета колхозов.

Не сразу и не вдруг, но нащупали высокооплачиваемые, наконец, в цели дел та нагланнейшие стар и злато. МТФ. Один фанг — за десять месяцев в нынешнего года на задних фрезках наладили молотка в четыре с половиной раза больше, чем за весь 1953 год. За эти же месяцы «Красное знамя» выполнило три годовых плана по продаже мяса, пообещав даже посягнуть на новую год еще поладина. Год идет здесь сегодня за три с половиной года!

Фермы в «Красном знамени» потянули за собой другое звено — картофель, а тот в свою очередь — свиноводство. И стало возможным Давать теперь на трудодень «круглый» килограмм хлеба. Да шесть рублей деньгами. Да сено, да овощи... Стало возможным возвести новые дестские ясли и отличные клуб, вместе с другими колхозниками ввязаться за сооружение знаменитого «Большого Рязанского кольца», учредить персональную пенсию для престарелых колхозников. Ее сегодня получают свыше двухсот ветеранов сельхозартели — твердо, ежемесячно, на всю жизнь...

Итак это бывает нередко в нашем журналистском деле, едешь за одним, а потом тебя вдруг захватит другое, непредвиденное. На какое-то время забыт старик Ларцев. О молодом Иване Комове — вот бы о ком надо писать! Вспомнить, как семь лет назад избрала Комова председателем «Красного знамени». Тоскливое наследство принимал он от своих неудачливых, запутавшихся в долгах предшественников: минус 300 тысяч рублей на артельном балансе, запущенные поля и захудалые животноводство. Трудодень — 200 граммов хлеба...

НАШИ ЛАРЦЕВЫ?

Так-таки мы и откатнулись от цели своей поездки? Нет, это рассказ и о Ларцевых. В Высоких Полянах мы встречаем их во множестве. Плотный Ларцев и кучен Ларцев. В больничной санитарии Мария Ларцева. Заведующая на птицевеще Николай Ларцев... Правда, далеко не легко братья среди них, кто здесь «те самые» Ларцевы, кто идут от древних казановцев, кто «не те». Тесно переплелись, но раз разоплились и вновь сошлись многочисленные семейные ветви.

Честно сказать, — смеется Янин, — тут почти весь район — один родственники. сплошная семейственность. Любого останешь... Вот вам Иван Павлович Комов. Хотите знать, так и сам он какой-то там дальний ларцевский... Неужто правда?

Правда, — говорит Комов. — Где-то по женской линии... Но одно сказать: были у нас Ларцевы голее голого, колхоз в Казановке они начинали тогда с сохидревней, с лучины, с курной избы. А теперь есть у нас Ларцевы, у которых мысли — об электродробиле и новых конструкциях машин, о музыкальной школе для ребят, о дипломах Тимирязевской академии... Что касается «тех-не тех», то тут действительно, разобраться можно только в большой праздник, да за хорошим столом. Как это в книжке про наши места рассказывается... Шлют комсомольцам один билет на двоих, никак не уяснят, отчего это в одной ячейке оказались парни не то что с одинаковыми фамилиями,

и с одним именами-отчествами. — В какой-то такой книжке? — Ну, в этой, в «Первой девушке». Наш земляк, Николай Богданов, написал. Там, где про Андрея Никитича рассказывается... — Про Янина? — Неужто не знаете? Погодите, сейчас покажу...

Комов находит книжку, и мы листаем ее. Мелькает: «...эсеры завезли на убийство нашего первого председателя Советской власти — товарища Янина... «И привел крестьянскую красную гвардию товарищ Янин, наш первый большевистский комиссар, молодой солдат, итерский рабочий из крестьян. Мать его и сейчас живет в Амесе»... «Прислал меня товарищ Янин с запиской»... ТАК ВОТ случается в жизни. Вторую неделю мы живем бок о бок с нашим неутомимым проводником, с одной тарелки едим потрясающие грибы местного засола, целыми днями ищем героев старых книг... Вот он, оказывается, тоже герой книги. Вот он, рядом! Тот самый!

В каком-то новом свете оглядывая эти дни, мы только теперь по-настоящему начинаем понимать, отчего так душевно относятся здешний народ к Андрею Никитичу, отчего щедро открывают ему все, чем богаты. Слово говорит: вот оно какое, зримое, радио чего люди шли из боя в бой... И по-новому выглядываем мы в окружающее, в лица своих новых, своих добрых знакомых. А этот? А тот? Может быть, и наши герои наших книг? Книг, уже написаны. Книг, которые еще будут написаны.

В. ЛИТВИНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» ПИТЕЛИНО — КАЗАНОВКА — ЛУКИНО — ВЫСОКИЕ ПОЛЯНЫ, Рязанская область

НАШИ ЛАРЦЕВЫ?

Так-таки мы и откатнулись от цели своей поездки? Нет, это рассказ и о Ларцевых. В Высоких Полянах мы встречаем их во множестве. Плотный Ларцев и кучен Ларцев. В больничной санитарии Мария Ларцева. Заведующая на птицевеще Николай Ларцев... Правда, далеко не легко братья среди них, кто здесь «те самые» Ларцевы, кто идут от древних казановцев, кто «не те». Тесно переплелись, но раз разоплились и вновь сошлись многочисленные семейные ветви.

Честно сказать, — смеется Янин, — тут почти весь район — один родственники. сплошная семейственность. Любого останешь... Вот вам Иван Павлович Комов. Хотите знать, так и сам он какой-то там дальний ларцевский... Неужто правда?

Правда, — говорит Комов. — Где-то по женской линии... Но одно сказать: были у нас Ларцевы голее голого, колхоз в Казановке они начинали тогда с сохидревней, с лучины, с курной избы. А теперь есть у нас Ларцевы, у которых мысли — об электродробиле и новых конструкциях машин, о музыкальной школе для ребят, о дипломах Тимирязевской академии... Что касается «тех-не тех», то тут действительно, разобраться можно только в большой праздник, да за хорошим столом. Как это в книжке про наши места рассказывается... Шлют комсомольцам один билет на двоих, никак не уяснят, отчего это в одной ячейке оказались парни не то что с одинаковыми фамилиями,

и с одним именами-отчествами. — В какой-то такой книжке? — Ну, в этой, в «Первой девушке». Наш земляк, Николай Богданов, написал. Там, где про Андрея Никитича рассказывается... — Про Янина? — Неужто не знаете? Погодите, сейчас покажу...

Комов находит книжку, и мы листаем ее. Мелькает: «...эсеры завезли на убийство нашего первого председателя Советской власти — товарища Янина... «И привел крестьянскую красную гвардию товарищ Янин, наш первый большевистский комиссар, молодой солдат, итерский рабочий из крестьян. Мать его и сейчас живет в Амесе»... «Прислал меня товарищ Янин с запиской»... ТАК ВОТ случается в жизни. Вторую неделю мы живем бок о бок с нашим неутомимым проводником, с одной тарелки едим потрясающие грибы местного засола, целыми днями ищем героев старых книг... Вот он, оказывается, тоже герой книги. Вот он, рядом! Тот самый!

Разговор состоялся!

«В СЕРОССИИНСКИМ съезде поэтов» была названа в приветственной телеграмме от братих-металлистов эта дискуссия, проходившая в Ленинграде с 10 по 14 декабря. Поэзия Российской Федерации была широко представлена на этом съезде: 135 поэтов из разных краев РСФСР были его участниками. (Жаль, впрочем, что в Ленинград не приехали некоторые большие мастера нашей поэзии: А. Твардовский, Н. Асеев, М. Исаковский, И. Сельвинский, Л. Мартынов, Р. Гамзатов; по чисто «ведомственным» соображениям не был приглашен живущий в Киеве Н. Ушаков.)

Поэты и критики, выступившие в заключительный день дискуссии, поделили итог: «Разговор состоялся!» И это правда: его участников меньше всего можно обвинить в равнодушии к делам поэзии. Разговор состоялся — и разговор живой, заинтересованный.

Тема дискуссии была определена так: «Поэт и современность». О чем же шла речь? Как справедливо сказал Леонид Соболев, ни для кого из собравшихся поэтов, как, впрочем, ни для кого из советских писателей вообще, не составляет проблемы взаимоотношения поэта и современности, особенно нашей современности. Вопрос состоит не в том, как и какими средствами он ее отражает. Это — уже пройденный этап. Дело, видимо, сейчас состоит в том, чтобы коллективным поэтическим разумом решить, как лучше выразить современность в поэзии.

Действительно, ход дискуссии показывал, что наши поэты плодотворно работают и напряженно ищут по-настоящему современного выражения в своих произведениях. Как любовь и Родина, к народу, и в то же время стремление как можно полнее отразить колоссальные успехи советских людей в построении коммунизма.

Участники дискуссии в основном говорили о почетных задачах, поставленных Коммунистической партией перед советскими писателями, об ответственности перед народом, о том, что величайшие его достижения не только и не столько обязывают литературу, но и определяют ее направленность, ее успехи.

Очень точно сказал об этом Николай Рыленков, подчеркивший, что героический труд советского народа и его борьба за мир определили не только мотивы, но и самый тонус поэзии наших дней, ее идейное богатство, ее эмоциональное звучание.

Воспитание чувств — одна из благороднейших задач советской поэзии. Эту мысль Николай Рыленков поддержал в своем интересном полемическом выступлении Василий Федоров, говоривший о том, что поэзия участвует в создании нравственных законов общества. Поэтому необходимым коллективным усилием «хороших и разных» поэтов. Наша поэзия все активнее и заинтересованнее обращается к решению важнейших вопросов современности.

Моральный и культурный уровень советского человека, строителя коммунистического общества, неизмеримо вырос, и для того, чтобы не отстать от своего читателя, чтобы быть настоящим его воспитателем, поэты, по словам Михаила Дудина, в первую очередь должны воспитывать свой собственный вкус и к поэзии, и к жизни.

Этих основных проблем развития советской поэзии касались Кайсын Кулиев, Александр Прокофьев, Павел Антокольский и многие другие ораторы. Все они, говоря о разном и по-разному, сходились в том, что наши поэты отдадут все силы решению высоких задач, поставленных партией перед литературой и искусством.

Общее мнение очень точно выразил Николай Тихонов. Картина нашей поэзии, которую он развернул в своем выступлении, была широка и многокрасочна. Он говорил о том, что много интересных, своеобразных поэтов только еще приходит в литературу, и о том, что творчество наших признанных мастеров — на большом подъеме.

Никогда, продолжал Н. Тихонов, не был так высок интерес к нашей поэзии. Никогда мы не имели поэзии с таким мировым влиянием. Сейчас за рубежом нет поэта, который влиял бы на нас, как, скажем, Байрон во времена Пушкина. Но по всему миру победно шествует Маяковский!

КРОМЕ этих проблем, прежде всего отвечающих теме дискуссии, обсуждались и другие насущные вопросы развития поэзии.

Надо сказать, что наиболее яркими, глубокими и горячими были выступления самих поэтов. Критики в большинстве своем выступили, к сожалению, гораздо менее удачно. Доклады А. Эляшевича, речам П. Выходцева и особенно В. Назаренко не хватало больших теоретических обобщений, подлинно критического анализа, а главное — и это было отмечено не одним оратором — им не хватало настоящей заинтересованности, влюбленности в поэзию. Сами же поэты по-прежнему вели свой съезд, по-хозяйски разбирали все удачно и неудачно нашей поэзии за последние годы. Выступления большинства поэтов были по существу не устные собственные успехи, не самоуспокоенность, а хорошее рабочее беспокойство, сопутствующее исканию и борьбе. Проявления этого беспокойства, как было сказано на дискуссии, являются и по-

стоянная тревога поэта, старающегося не потерять своего места в первых рядах жизни, и известные слова Н. С. Хрущева о некоторых книгах, которые невозможно читать без булавочных укулов.

Правда, некоторые ораторы, выступив с резкой критикой недостатков поэзии, готовы были выплеснуть вместе с водой и ребенка. Например, не чем иным, как недоверием к соборным перу, можно объяснить путаное выступление А. Маркова, пытавшегося оглушить охватить советскую поэзию конца тридцатых годов и по меньшей мере странно решавшего некоторые теоретические вопросы. А. Маркову остро и убедительно возражали В. Дружин, С. Баруздин, А. Турков и другие.

Справедливые возражения, в частности и в особенности со стороны А. Прокофьева, вызвала речь С. Острового, в неумеренном полемическом азарте чуть было не зачеркнувшего всю нашу поэтическую критику. К слову сказать, очень убедительно выступили с критикой критики С. Орлов, А. Решетов, В. Ручьев и другие; критиковались отдельные выступления «Литературной газеты» (в особенности фельетоны С. Калашникова), но никто, кроме С. Острового, не стал на позиции нигилистического отношения к нашей критике в целом.

Подавляющее большинство выступлений было продиктовано заботой о развитии нашей поэзии, о ее новых успехах. Такой была, скажем, речь Ольги Берггольц.

Настоящее поэтическое слово не стареет и не уходит в прошлое, сказала ленинградская поэтесса. Потому и наша поэзия ни в коем случае не является «отстающей от жизни».

И в то же время О. Берггольц говорила о том, что совершенно недопустимо успокаиваться и прекращать поиски.

Тем же беспокойством и той же уверенностью в колоссальных жизненных силах родной поэзии, в ее способности постичь еще большие вершины было проникнуто эмоциональное выступление Павла Антокольского. Он призвал поэтов к вечному недовольству собой, к постоянным исканиям. Именно поэтому П. Антокольский критиковал выступление В. Назаренко, который, по его словам, «прикидывается неучем», гордится тем, что он «не замечает рифму», считает управделами проблему отцов и детей и с этой точки зрения подвергает разному статью молодых поэтов Ю. Панкратова и И. Харбарова, хотя и незрелую, но вызванную хорошим творческим беспокойством.

Правда, в речи П. Антокольского прозвучали тревожные интонации, для которых, как отметил в своем остро полемическом выступлении Александр Прокофьев, не дает оснований картина нашей сегодняшней поэзии. А. Прокофьев также критиковал стихи Е. Евтушенко.

По-настоящему страстно говорил о стихах балкарский поэт Кайсын Кулиев. Поэзия, сказал он, всегда будет необходима людям и неясна, как материнское молоко, как умение печь хлеб, как колыбельная песня. К. Кулиев критиковал доклад А. Эляшевича за холодность, за равнодушие к работе и исканиям поэтов.

Б УДУЩЕЕ нашей поэзии связано с молодыми. Не удивительно поэтому, что разговор о задачах, состоянии и судьбах поэзии близко касался и вопроса о молодых поэтах. Р. Назарова, В. Цыбин, А. Поперечный, А. Вознесенский, Д. Блинский и многие другие молодые имена упоминались на дискуссии. Немало хорошего было сказано о них, но им пришлось выслушивать и очень серьезные, убедительные критические замечания. В той или иной мере вопросы воспитания молодых касались и Л. Ошанин, и С. Васильев, и А. Решетов, и А. Прокофьев. С доброземельной, но серьезной критикой выступили Н. Тихонов и П. Антокольский, указавшие на недостаточную общую и языковую культуру ряда молодых поэтов; о молодых говорил и Е. Евтушенко, но речь его, к сожалению, была во многом испорчена чрезмерной резкостью и полемическими «перехлестами».

С его выводами решительно не согласился Е. Долматовский, В. Федоров и другие, считавшие, что Е. Евтушенко, говоря о недостаточном внимательном отношении к молодым поэтам, явно сгустил краски; что его критика в адрес Литературного института была далеко не всегда обоснована.

Повесть? Нет, это и не повесть. Это именно «отрывки из повести» — все из той же повести о подростках — о загадочных, еще не раскрытых людях, о которых В. Панова по душевному влечению пишет уже многие годы. Она сама раскрывает «секрет» этого влечения.

«Почем так?» — заключает она последний из двух своих «рассказов» — кому что удастся из этих мальчишек и девчонок; из кого что получится. Почем знать, почем знать...»

Но неопределенность, расплывчатость жанра сдвинулись, не могли не сказаться — на художественной целиности «рассказов». В каждом из них много прекрасных эпизодов, тонких поэтических наблюдений; читатель то и

слизывает предложение предложения Льва Ошанина создать (пока только в Москве) специальный магазин поэзии (или, как уточнил Н. Доризо, «магазин-клуб», где поэты были бы частыми гостями, встречались бы читателями и т. п.). Е. Долматовский предложил вместо индивидуальных книг начинающих поэтов, часто очень неровных, выпускать коллективные сборники двух-трех молодых. Ольга Берггольц выступила против громоздких «алфавитных» антологий. Почему бы, сказала она, не издать антологию стихов о любви — от Маяковского до наших дней? Это было бы куда полезнее и интереснее.

Таковы лишь некоторые предложения. Думается, будет хорошо, если нитогорюющие организации и Союз писателей РСФСР заинтересуются ими и претворят в жизнь хотя бы часть того, что предложили поэты.

И ТАК, разговор состоялся. В заключение были высказаны пожелания сделать подобные дискуссии, подобные встречи российских поэтов традиционными, причем, по справедливому замечанию горьковчанина М. Шестерникова, — собираться с более конкретными задачами.

Разумеется, в нашем отчете рассказано далеко не о всех выступлениях, даже упомянуты не все вопросы, затронутые на дискуссии. Можно было бы сказать об обсуждении отдельных проблем поэзии автономных республик и краев РСФСР; о выступлениях наблюдателя Адама Шогенукова, калмыка Константина Эрденевова, татарина Сибгата Хакима, мансийского поэта Ювана Шесталова. Можно было бы рассказать, как интересно говорил С. Баруздин о детской поэзии, И. Эвентов — о сатире, А. Прокофьев — о стихах и песнях на эстраде, С. Васильев — о простоте и ясности стиха... Можно было бы, наконец, полнее рассказать хотя бы о наиболее содержательных выступлениях.

Но не следует рассматривать эту трехдневную дискуссии как уже вполне закончившийся разговор. Без сомнения, он будет продолжен в печати.

ЛЕНИНГРАД.
Наши специальные корреспонденты.

Юрий НАГВИН

Жанр — не условность

ЖАНР — не условность, и совсем не безразлично, как окрестить свое творение: романом, повестью, рассказом. За любым из жанров всегда кроется присущий данному писателю «способ» восприятия жизни. Один «устроен» так, что жизнь открывается ему в более или менее широком течении времен и дел человеческих, другому — как бы влур, в отдельном событии, поражающем воображение и мысль. Вот почему есть резкое нарушение правды в том, чтобы называть, к примеру, роман — повестью или повестью — рассказом. Да, жанр — не условность, и Лермонтов потому писал стихи, что они наиболее соответствовали его душевному строю, а значит, и его дару облекать в слово действительность своей души и своего времени.

Но Лермонтов, снажу, писал стихи прекрасную прозу, а в прозе — и роман, и рассказ. Что же, это говорит не о зыбкости понятия жанра, а о многогранности гения.

Вера Панова опубликовала в журнале «Октябрь» два рассказа: «Валя» и «Володя». Но это не рассказы — вопреки очевидности заголовка. Конечно, можно накрыть рукой небольшую участок жизни, перевести его в слово и сказать: это рассказ. Иные так и делают. Но само по себе «количество» — вовсе не главная примета рассказа. Рассказ, хотя он повествует об одном только событии, отбирает из материала всей жизни. Разве «Воры» Чехова или «Холодная осень» Бунина не рассказы «обо всем»? Если для рассказа и характерен малый размер, то лишь в сочетании с большой емкостью и четкой, завершенной формой. Ни «развернутой формы», ни особой, «рассказной емкости», когда слово тесно, а жизни просторно, ни даже «малого размера» в произведении В. Пановой нет. Она пишет широко, вольно, не ограничивая себя, не заботясь о форме, как бы «спысывая» с действительности и не стремясь «уложить» ее в жанр.

Повесть? Нет, это и не повесть. Это именно «отрывки из повести» — все из той же повести о подростках — о загадочных, еще не раскрытых людях, о которых В. Панова по душевному влечению пишет уже многие годы. Она сама раскрывает «секрет» этого влечения.

«Почем так?» — заключает она последний из двух своих «рассказов» — кому что удастся из этих мальчишек и девчонок; из кого что получится. Почем знать, почем знать...»

Но неопределенность, расплывчатость жанра сдвинулись, не могли не сказаться — на художественной целиности «рассказов». В каждом из них много прекрасных эпизодов, тонких поэтических наблюдений; читатель то и

дело встречает людей, вылепленных умелой, сильной и доброй рукой, — и все же эти «рассказы» не складываются в нечто целое, завершенное... Но будем говорить о написанном. Я не претендую на критический разбор рассказов В. Пановой. Я хочу только высказать некоторые свои мысли по поводу их.

Военный Ленинград. Женщины и дети, эвакуируемые в далекий тыл, ожидают на привокзальной площади отправки. Одна большая девочка, почти девушка, не хочет ехать.

«Что ты со мной делаешь!» — говорит она матери со злым, страстным отчаянием. — Куда ты меня везешь? Ты меня, ненавидишь! Ты меня, убиваешь! Ты мне такое делаешь, как будто ты не мать, а враг!»

Посреди ночи, когда все уснуло, сидит она, бессонная, на мехе, крепко обняв колени заргоревшими руками, глаза угромо горят из-под бровей, лицо темно от слез и гнева. Она ждет. Придет ли? Может ли прийти? Вдруг через гулкую ночную площадь приближается к ней молодой военный. Она поднимается, протягивает к нему руки. И вот они уже уходят. Салого военного стучат, а фигура с ним рядом шагает, словно по воздуху. И в благодную, без звездного света, ленинградскую ночь, под высокими звездами, радостно и беззаботно засмеялась, большая девочка. Будто не летели бомбовозы и не целились пушки, чтобы убить ее радость...

Читатель, верно, никогда не узнает о судьбе этой «большой девочки», мелькнувшей перед ним и писателем в черной благодной ночи. Но ее сложная, страстная, непримиримая, ищущая душа уже пленяла читателя, он не забудет ее вовек.

Это все дело лишь крохотный эпизод из большого повествования «Валя». Валя — это совсем другая девочка, другой подросток. О ней рассказано много и подробно, она растет на глазах у читателя. Вот она в родной семье, в Ленинграде, отец ушел на войну, мать увозит ее и маленькую ее сестру из осажденного города. Она много думает, многое принимает в свое сердце, она всегда, как бы случайно, запечатывает вехи своего короткого пока жизненного пути в суматошную, полную живых дел и впечатлений эвакуацию; и пилбел матери; и трехлетнюю свою жизнь в детдоме; и грустно-поэтически зиний отъезд из детдома, ставшего для нее родным; и возвращение в Ленинград в медленно ползущем поезде, где она по-новому, повзрослевшим разумом, видит людей; и встречу с городом своего детства, в котором не осталось ни одного родного человека, но где по-прежнему встречает ее чужие люди.

Автор с искренним чувством воздавать должное Вале, он любит ее Валей, этой доброй, ясной, честной натурой; похоже, что Валя вырастает в большого человека, что она многое поднимет в своей жизни, всякий душевный груз и всякий труд будет ей по плечу, она, верно, сотворит много добра и выведет в жизнь хороших людей... Но когда читатель хочет отдать себе отчет в своих чувствах, он убеждается, что сердце его принадлежит скорее той безымянной, мятежной «большой девочке», которую он оставил на дорогах войны, чем Вале.

Не правда ли, странно? Ведь на долю «большой девочки» пришлось всего два десятка строк, а на долю Вале — более двух десятков страниц!

Вот тут-то и сказалося пренебрежение к жанру. Валя заинтересовала читателя, он готов вместе с автором полюбить ее, он хочет узнать о ней больше, глубже, понять ее изнутри. Между тем в хорошем рассказе читателю ничего более не надо знать о героях; он узнал о них все. Такими они и входят навек в его душу. Разве хочется вам узнать что-либо еще о престелной «даме с собачкой»? Пусть драма ее жизни осталась незавершенной, но писателю, право же, нечего больше прибавить, а читателю — знать.

Так вот и случилось, что маленький эпизод о «большой девочке», замкнутый сам в себе, перевесил целый «отрывок из повести».

Во втором рассказе «Володя» читатель встречается с тем же. Неопре-

Сражающийся талант

К 125-летию со дня рождения Марко Вовчок

ЗАМЫСЛЫ созрели рано. Их подсказали впечатления юности, почерпнутые на Орловщине и Харьковщине в поместьях русских и украинских крепостников, многоверстные странствия по глухим хуторам и дальним селам Украины, куда молодую женщину вела неумная жажда открытия народных песен, полнучные беседы с крестьянами, грустные песни о сиротстве детей, отнятых помещиком у матери, об отчаянии парубка, разлученного с любимой, о горе дивачины, отданной в услужение господину-самоураму. Так родились «Народные оповидания» и «Рассказы из русского народного быта» — семнадцатый неведомый о крепостнической Украине и России. Так 23-летняя Мария Александровна Маркович (до замужества Виландская) стала писателем Марко Вовчок.

Творческая судьба художников слова складывается по-разному. Одни к созданию замечательных произведений идут спокойным, размеренным шагом, совершенствуя свое мастерство от книги к книге. Другие отбрасывают себя в напряженных исканиях, в отречениях от всего, написанного ранее, как от ученического, подражательного. К третьему признание и слава приходят сразу. Так было с Марко Вовчок.

Значение ее рассказов чуть уловили Писарев и Добролюбов, пожелавшие Марко Вовчок доброго пути в литературу. Не обещание таланта, но уже расцветший незаурядный талант зрелого художника увидели они в дебютах писательницы.

«Необходимо будет ей написать письмо и благодарить ее за доставленную радость чтением ее вдохновенной нити», — такую запись внес в свой дневник, большой, измученный солдатский Тарас Шевченко, едва он познакомился с украинскими рассказами Марко Вовчок. А спустя год он встретится с писательницей и в память этой встречи посвящает ей стихи, где называет Марко Вовчок прозором, «обличителем жестоких и ненастных». Поэт-демократ не ошибся, увидев в молодой писательнице последователя своих идеалов и убеждений. Остро социальный, антикрепостнический дух ее рассказов отвечал сокровенным стремлениям передовых умов дореформенной России.

Очарованный «наивной прелестью и поэтической грацией» прозы Вовчок, И. Тургенев садится за перевод книги «Народные оповидания», чтобы сделать ее имя «дорогим, домашним» для русского читателя. Переводы «Народных рассказов» попадают в Лондон, и Герцен пишет в «Колоколе»: «Тут вест покаяние после весеннего дождя, вест и проклятием русского поля — господским домом».

Если бы творческое наследие писательницы составило только два первых сборника, то и тогда имя ее сохранилось бы в истории передовой литературы. Но Марко Вовчок была не из тех, кто остается на однажды взятой вершине. Ее последующие произведения, которые также писались и на украинском, и на русском языках, обогащали традиции реалистической прозы, обличали антибюрократический, антигуманный строй самодержавной России.

Незадолго до смерти Марко Вовчок писала в письме сыну: «Я прожила весь свой век, идя по одной дороге и не свертывая в сторону... У меня могли быть ошибки, слабости... как у большинства людей, но в главном я никогда не осквернила себя отступничеством».

Действительно, на протяжении всей своей многогранной творческой деятельности выдающаяся украинская писательница сохраняла верность идеалам социальной справедливости, борьбы за которые сдружила ее с Писаревым и Добролюбовым, Герценом и Огаревым, Шевченко и Некрасовым, сделала ее соратником «Современника» и «Честивых записок» — журналов, ставших в середине века форпостами революционной мысли.

В передовом лагере демократии оставалась Марко Вовчок и после 1861 года, когда разглядела истинный смысл царского манифеста о раскрепощении крестьян. «Мы век прожили крепостными, и толки нас весь наш век; вы свой прожитые вольными, только и вас только будут. Ступа только другая, а толченое то самое!», — такие слова вложила писательница в уста одной из героинь романа «Записки причетника». Марко Вовчок всегда ощущала духовное родство со своими любимыми героями из народа и часто заставляла их говорить от своего имени...

Книги Марко Вовчок — поэзия в прозе. Эту поэзию питало украинское народное творчество, тончайшим знатком которого была писательница. Насколько сильно звучала в прозе Марко Вовчок фольклорная струя, говорит ее сказки о девяти братьях-разбойниках, вставших против нищеты, вечной спутницы крестьянской жизни, о храбром атамане Остапе и казачке-невольнице, о легендарном Кармелюке, народном мстителе, заступнике обездоленных.

Таланту писательницы была доступна и острая сатира, направленная против паразитирующего духовенства, вырождающегося дворянства, красноречивого и фальшивого народолюбия либералов-помещиков, духовной нищеты чиновничьей бюрократии, — эти мотивы вошли в повести и романы, написанные Марко Вовчок в 60—70-е годы: «Жизнь души», «Теплое гнездышко», «Записки причетника», «В глуши».

Велик вклад писательницы в сближение своих читателей с зарубежной культурой. Превосходно владея иностранными языками, она много работала над переводами.

Десятилетия, насыщенные социальными бурями, крутыми поворотами истории, не отдалили от нас творчество Марко Вовчок, не ослабили впечатляющей силой ее щедрого, гуманного таланта. Так и должно быть. Ведь недаром Иван Франко видел ее «в ряду борцов за свободу и человеческие права порабожденных народных масс».

Щая цель: жить так, чтобы всем на земле было хорошо. Но бываю у автора такие встречи, такая нечаянная радость, как вот эта встреча с подростком Олегом. Ничто не может сравниться с этой радостью! Ведь это он, автор, открывает, дарит людям, родной стране великого поэта, певца великих дней...

Но не только в подростках Олеге и «большой девочке», Вале и Володе, находится В. Панова доброе, сильное, смелое, и как чудесный дар, великое. И не только ради них написаны эти «рассказы». Со свойственной ей широкой манерой воображения В. Панова населила их большим числом людей. Кому отведены две-три строки, кому — страница. Чаще всего этих людей не связывают личные связи — они связаны единой судьбой, судьбой народа, переживающей войну. Вот они едут на вокзак, горючие великой бедой, затем возвращаются на запад, в родной город, отстоявшийся на краю от врага. В. Панова расказала об этом с пронзительностью художника, истинно поэтически, ничуть не скрывавшей суровости времени. И ей откровенно, что в этом хаотическом перемещении людских частей, сорванных со своих орбит, связи между ними не только не рвутся, но, напротив, еще более крепнут. Автор не декларирует эту все более прочную связь, она показывается ее в живом проявлении. И тогда со всей отчетливостью понимаешь, как пришла к нам победа...

В «рассказах» В. Пановой люди творят как будто малые дела: поддерживают слабых, заботятся о подростках и детях, чутко угадывают чужую беду и нужду и приходят ей на помощь. Это не просто «добряки» — будь то тетя Дуся, заменившая многим сиротам мать, проводившая вагона, противившая подростка Володю, парторг, угадавший его чистую, мужественную душу, — это люди великого времени, высокой эпохи, пересоздавшей «вехтого» человека.

Писатель с живой душой, Вера Панова написала живое слово о наших удивительных людях и удивительном времени. И если радость знакомства с новым ее произведением осталась все же неполной, то виной этому отсутствию четкой формы, пренебрежение жанром. Об основных героях, давших название «рассказам», сказано много — но не достаточно, излишне подробно, — но не исчерпывающе, с щедростью доброй, — но беспорядочной и потому оставляющей все же чувства читателя в некотором сматении и разброде.

«Чувствовалось, что от всего на свете этот организм вибрирует, на все отзывался, воспеиваясь до глубины». Таким мог быть подросток Лермонтов, еще не обретший слова, мог быть Александр Блок. Стремительно и недолго, еще не раскрывшегося, юноше человека, и писатель ощутил свое беспомощное, перед ним, как перед океанской волной. Он умалит себя перед Олегом, чтобы весь свет падал на него одного. И если до этого писатель «единился» сам, силой своего мастерства и опыта, то сейчас его «несет» вдохновение. Он начинает писать совсем иной, патетической прозой:

«На бесконечном, взвихренном, мчащемся проспекте, спеша домой поскорее, в тот вечер встречали прохожие странного мальчика. Под разверстанными небесными закромами он один шел, не торопясь, будто вышел прогуляться в отдаленный город. Прохожие думали: «Чудак», но догадывались, что он слышал, — счастливая, разможа, такое предельное. Он сочинял стихи на ходу, желая увековечить любимых людей, не считая, что любимым людям достаточно увековечен в стихах.

Триумфальная арка и мальчик рядом, он совсем теряется в ее величии; его будто и нет на площади, есть одна триумфальная арка... Но почему знать, а вдруг он действительно увековечит любимый город в своих стихах! Вдруг ему что-то удастся, как еще никому не удавалось! Почему знать, кому что удастся из этих мальчишек и девчонок; из кого что получится. Почем знать, почем знать...»

Не в этом ли сокровенный писательский пафос Веры Пановой: подсмотреть, как возникает из хаоса полудетской души человек-герой, создатель новых миров — поэт, художник, валец, ученый, строитель жизни. Автор как бы уводит Володю, по следу которого шел целый двадцать страниц, на второй план, он спокойно оставляет его на перекрестке, где с мгновенно зашедшим сердцем увидит Олега. Пусть «рассказ» — а потому и образ его героя — остался незавершенным, автору сейчас не до того: он справляет самый высокий свой праздник — нежданную встречу с чудом рождения поэзии. На высоком душевном накале, как в эпизоде с «большой девочкой», здесь словно бы сам собой складывается жанр... хотя эпизод с Олегом обрывается на полудослове, но читатель уже узнал об этом подростке «все необходимое и достаточное».

Но, быть может, автор ошибается в своем юном герое и принимает кажущееся за сущее? Почему знать... А вдруг этому странному подростку действительно дано увековечить великий город в стихах, и это удастся ему, как еще никому не удавалось? Почему знать...»

Вера Панова очень любит людей. Доброе, прекрасное в человеке. Вот откуда у нее интерес к тому возрасту, когда очень юный — и очень сложный — человек стоит на перепутье многих дорог. Тут она и встречает его, и оглядывает, и стремится проникнуть в самую глубь его души. Отношение писательницы к своему юному герою предельно ясное, определенное и очень пылкое. Это очень истинно, но и очень радостно, когда вдруг видишь, что и Вале, и Володе, и многим, многим их сверстникам избран тот самый прямой, самый трудный, порой мучительно трудный путь, как им идет к счастью все их поколение. Все они очень различные, каждый прекрасен по-своему, каждого и любящий по-своему, но всех связывает, роднит об-

Марко Вовчок

щая цель: жить так, чтобы всем на земле было хорошо. Но бываю у автора такие встречи, такая нечаянная радость, как вот эта встреча с подростком Олегом. Ничто не может сравниться с этой радостью! Ведь это он, автор, открывает, дарит людям, родной стране великого поэта, певца великих дней...

Но не только в подростках Олеге и «большой девочке», Вале и Володе, находится В. Панова доброе, сильное, смелое, и как чудесный дар, великое. И не только ради них написаны эти «рассказы». Со свойственной ей широкой манерой воображения В. Панова населила их большим числом людей. Кому отведены две-три строки, кому — страница. Чаще всего этих людей не связывают личные связи — они связаны единой судьбой, судьбой народа, переживающей войну. Вот они едут на вокзак, горючие великой бедой, затем возвращаются на запад, в родной город, отстоявшийся на краю от врага. В. Панова расказала об этом с пронзительностью художника, истинно поэтически, ничуть не скрывавшей суровости времени. И ей откровенно, что в этом хаотическом перемещении людских частей, сорванных со своих орбит, связи между ними не только не рвутся, но, напротив, еще более крепнут. Автор не декларирует эту все более прочную связь, она показывается ее в живом проявлении. И тогда со всей отчетливостью понимаешь, как пришла к нам победа...

В «рассказах» В. Пановой люди творят как будто малые дела: поддерживают слабых, заботятся о подростках и детях, чутко угадывают чужую беду и нужду и приходят ей на помощь. Это не просто «добряки» — будь то тетя Дуся, заменившая многим сиротам мать, проводившая вагона, противившая подростка Володю, парторг, угадавший его чистую, мужественную душу, — это люди великого времени, высокой эпохи, пересоздавшей «вехтого» человека.

Писатель с живой душой, Вера Панова написала живое слово о наших удивительных людях и удивительном времени. И если радость знакомства с новым ее произведением осталась все же неполной, то виной этому отсутствию четкой формы, пренебрежение жанром. Об основных героях, давших название «рассказам», сказано много — но не достаточно, излишне подробно, — но не исчерпывающе, с щедростью доброй, — но беспорядочной и потому оставляющей все же чувства читателя в некотором сматении и разброде.

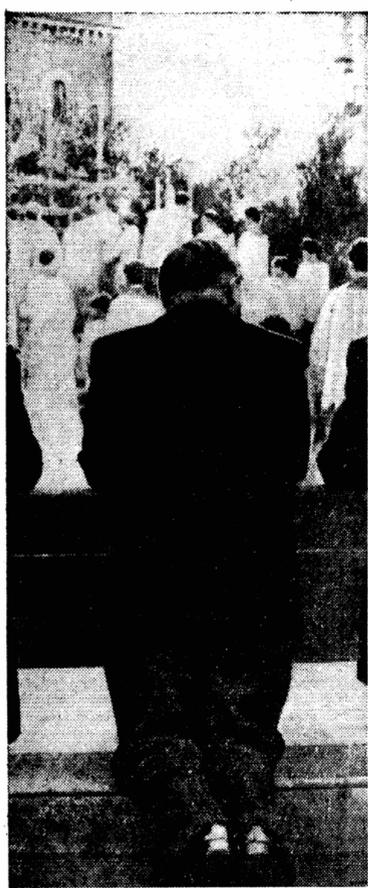
«Чувствовалось, что от всего на свете этот организм вибрирует, на все отзывался, воспеиваясь до глубины». Таким мог быть подросток Лермонтов, еще не обретший слова, мог быть Александр Блок. Стремительно и недолго, еще не раскрывшегося, юноше человека, и писатель ощутил свое беспомощное, перед ним, как перед океанской волной. Он умалит себя перед Олегом, чтобы весь свет падал на него одного. И если до этого писатель «единился» сам, силой своего мастерства и опыта, то сейчас его «несет» вдохновение. Он начинает писать совсем иной, патетической прозой:

«На бесконечном, взвихренном, мчащемся проспекте, спеша домой поскорее, в тот вечер встречали прохожие странного мальчика. Под разверстанными небесными закромами он один шел, не торопясь, будто вышел прогуляться в отдаленный город. Прохожие думали: «Чудак», но догадывались, что он слышал, — счастливая, разможа, такое предельное. Он сочинял стихи на ходу, желая увековечить любимых людей, не считая, что любимым людям достаточно увековечен в стихах.

Триумфальная арка и мальчик рядом, он совсем теряется в ее величии; его будто и нет на площади, есть одна триумфальная арка... Но почему знать, а вдруг он действительно увековечит любимый город в своих стихах! Вдруг ему что-то удастся, как еще никому не удавалось! Почему знать, кому что удастся из этих мальчишек и девчонок; из кого что получится. Почем знать, почем знать...»

Не в этом ли сокровенный писательский пафос Веры Пановой: подсмотреть, как возникает из хаоса полудетской души человек-герой, создатель новых миров — поэт, художник, валец, ученый, строитель жизни. Автор как бы уводит Володю, по следу которого шел целый двадцать страниц, на второй план, он спокойно оставляет его на перекрестке, где с мгновенно зашедшим сердцем увидит Олега. Пусть «рассказ» — а потому и образ его героя — остался незавершенным, автору сейчас не до того: он справляет самый высокий свой праздник — нежданную встречу с чудом рождения поэзии. На высоком душевном накале, как в эпизоде с «большой девочкой», здесь словно бы сам собой складывается жанр... хотя эпизод с Олегом обрывается на полудослове, но читатель уже узнал об этом подростке «все необходимое и достаточное».

Но, быть может, автор ошибается в своем юном герое и принимает кажущееся за сущее? Почему знать... А вдруг этому странному подростку действительно дано увековечить великий город в стихах, и это удастся ему, как еще никому не удавалось? Почему знать...»

О чем молится Штраус?

Прибывший в Париж Франц-Йозеф Штраус заявил, что правительство ФРГ выступает за «мирную» войну. Западно-германская армия, сказал он, создавалась по инициативе Аденауэра, которого Штраус назвал «отцом бундесвера». В интервью газете «Ди Вельт» боннский министр обороны утверждал, буд-то сейчас «нет никаких признаков разрядки напряженности».

Вот вам портрет последний Министра обороны. Он слушает обедно Коленапреклоненный.

В минуты кратких пауз, Давая мыслам отдых, Мечтает герр фон Штраус О битвах и походах.

Но вот он поднял очи. В очах пылает вера. Он тихо шепчет: — Отче, Создатель бундесвера!

Пусть крепнет наша сила, Расцвет вооруженье, Дабы не наступила Разрядка напряженья.

Долой переговоры, Побольше бомб и кляуз! — Так, подымая взоры, Вызывает к небу Штраус.

Но где тот бог, который Его снабжает бомбой Иля ракетой скорой Под заграничной plombой?..

Снимок из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте».

С. МАРШАК

ЭТО ОЧЕНЬ нужная, очень странная, злая и вмести с тем сентиментальная, своеобразная, но в чем-то глубоко тривиальная, талантливая, а порой почти безвкусная, с точным, ясным прицелом и с целым рядом неверных, холостых решений, а в общем... В общем это интереснейшая и сильная картина.

Она — как выстрел. Мимо нее нельзя пройти ни равнодушно, ни даже спокойно-благожелательно. Она заставляет вас как бы сплотиться, остановиться, не только задуматься, но даже рассердиться. Сначала она ошарашивает, только потом начинаешь разбираться в своих ощущениях.

Скажем прямо, картина эта не войдет в золотой фонд киноискусства, — в ней нет ни сильно выраженных, примечательных характеров, ни стройного, глубокого повествования, ни мудрой тонкости наблюдения за человеком в его развитии. Это — картина ненадолго. По существу, хорошая публицистика, которая должна сработать одним ударом, как сенсационная статья, как газета сегодняшнего дня. Но это умно, жестоко, это бьет в цель, и это сделано честными, горячими и талантливыми людьми.

Я не читал романа Невилла Шюта. Говорят, что роман — порождение «холодной войны», что он глубоко безыскусен и реакционен, что во всех отношениях это литература не первого сорта. Говорят также, что картина довольно точно следует за сюжетными линиями романа. Ну что ж, в такое «точное следование» поверить можно, хотя и трудно. Трудно потому, что режиссер Стенли Крамер всю силу своей страсти направляет против «холодной войны», что пафос картины — это пафос веры в победу человеческого разума. Но можно поверить потому, что самое слабое в картине — это как раз сюжетные линии, семейные и любовные.

Значит, сюжет в его внешнем понимании сохранен, а прицел картины, ее внутренний смысл, ее философия, по-видимому, резко переосмыслены режиссером, изменены кардинально.

Невероятная по содержанию картина начинается нарочито просто, почти грубо: была атомная война, все живое погубило на четырех континентах из пяти, — сохранилась Австралия.

Итак, правила игры сообщены зрителю без обиняков, без малейшей попытки хоть сколько-нибудь постепенно ввести его в атмосферу действия. Психологический удар наносится сразу, в лоб, чисто информационным путем: мы в Австралии, здесь еще живут.

Впрочем, это ненадолго. Месляцев через пять ветры и морские течения принесут и сюда смертельные продукты радиоактивного распада.

А пока — здесь еще живут. Сюда, в Мельбурн, забрела единственная уцелевшая американская подводная лодка: война застала ее в центре океана.

На экране — Мельбурн. Сразу становится интересно. Посмотрим, каков он, этот чудом сохранившийся город, как ведут себя люди перед лицом всемирной катастрофы?

Оказывается, ничего особенного, — город, как город, все как положено: неоновые вывески, витрины, рекламы, асфальт... Вот только в шум города прослушивается что-то странное, как будто знакомое и все-таки необычное... — Ва! — вдруг догадываетесь вы. — Да ведь это цокот копыт! Лошадь!

И первая реакция зрителя в картине о гибели мира — смех. По улицам вполне современного города, среди густого потока велосипедистов движутся фаэтоны и карриолеты в конной упряжке. Правда, падают и автомобили, но их удивительно мало. Это странно и смешно, но кадр сразу становится конкретным и правдоподобным. Вы соображаете: в Австралии, очевидно, либо нет, либо очень мало нефти; бензина не хватает, — и вот воскресла на улицах лошадь во всем своем древнем изяществе.

Этот кадр — ключ режиссерского приема: не столько пугать, сколько показать воображение; разорвавшая не-

Михаил РОММ

Кинематограф говорит: СТОП!

вероятное действие в невероятных обстоятельствах, убеждать зрителя в правде происходящего через простейшие бытовые детали, но такие детали, которые при всей своей простоте и наглядности могли быть порождены только чудовищными по масштабу разрушения событиями. Незначительная черта, которой зритель верит, заставляет его поверить и всему огромному процессу.

Казалось бы, для того чтобы убедить зрителя в реальности всемирной катастрофы, да еще разразившейся совсем недавно, чтобы увидеть его в том, что и на этот остров спасения надвигается гибель, что жизни осталось едва на четыре-пять месяцев, нужны какие-то взрывы отчаяния, лихорадочные поиски спасения, может быть, признаки массового безумия. Но режиссер ведет повествование совсем по-другому. Низьте слова. Правда, течет она немощно странновато. Нет кофе (Очевидно, и Южная Америка, и Цейлон, и Аравия — все это уже не существует, догадывается зритель). Перецали доставлять на дом молоко. (Может быть, бензина нет? Или продавцы поборасли работу?) Где-то уже начали вырубать пилюли для легкого и приятного самоубийства. (Очевидно, они скоро понадобятся в огромном количестве, но пока лейтенант старается достать их на всякий случай. Достать трудно. Почти невозможно. Спрос большой.)

Люди живут, кормят детей, ходят в гости. Никто не говорит о войне, о надвигающейся луже смерти. Эти слова старается не произносить. Вместо слов: «Гибель, смерть», говорят: «Это... Когда «это» придет... До «этого» осталось четыре месяца... Но о чем бы ни шел простейший разговор, неизбежно упираться в «это».

В аристократическом клубе лакей подает одному из заправил рюмку портевина. Отличный портвейн. — Сколько у нас бутылко этого портвейна? — спрашивает джентльмен. — Четыреста, сэр. — Четыреста? Винная комиссия сошла с ума! Мы не успеваем выпить четырехста бутылко за четыре месця!

И именно нелепость гнева клубного заправилы, который сокрушается, что вино не будет до конца распито, хотя через четыре месця и вино, и денги, и клуб, и все его члены полетят к черту, — именно эта нелепость более всего убедительна.

Подводная лодка отправляется в разведывательный рейс: посмотреть, не осталось ли в мире хоть что-нибудь живое. Она всплывает в гавани Сан-Франциско. Командир первым подходит к перископу, с треском откидывает ручку, — и перед нами прохлдат панорама абсолютно мертвого, беззвучного города. Никаких следов разрушений, но и ничего живого. Пустота.

Командир с треском складывает ручки перископа. Их откидывает старший офицер, глядит в визир. Снова напряженное ожидание — и снова сухой треск сложенных ручек. Подхлдит третий. Четвертый. Пятый. Шестой. Седьмой... Однообразный металлический треск сложенных ручек — и ни слова. Это убеждает в том, что мир мертв, сильнее, чем могли бы убедить десятки кадров грандиозных разрушений, чем целые горы трупов. Кстати, в картине о гибели мира нет ни одного мертвеца!

Сбежал с подводной лодки матрос, жилец Сан-Франциско. Наутро его находят: он сидит в угло лодочке и ловит рыбу, боей и счастливый. Из воды, рядом с лодкой, вырастают чудовищные рога перископа.

Как вы себя чувствуете? — спрашивает откуда-то из глубины залава металлический голос командира, и тусклые глаза перископа поворачиваются к матросу.

Отлично, сэр. — Вы что-нибудь ели на берегу? — Съел порошок и выпил морской воды, сэр!

(Короткое молчание: матрос пил радионавигационную воду, — значит, он не только обретен, но его уже нельзя взять обратно на лодку: он заразит других.)

— Не нужна ли вам помощь? (Имеется в виду яд для самоубийства.)

— В городе двести аптек, сэр... Здесь нет аптеки, это точно, и это — кинематограф, которому верить.

Один из лучших кусков картины — эпизод автогонки. Это уже после возвращения подводной лодки. Мы видели немало зверских автомобильных гонок в кино. Но здесь есть одна особенность:

близовали бесчеловечные силы разрушения, то разве какое-нибудь правильное, подозрительности и недоверчивости противостоит нам и глядеть при этом в лицо своему собственному наряду?

Здесь не место — да и не время — давать приблизительные наметки новой политики, которая началась бы с полнейшего отказа от средств массового уничтожения и привела бы к разработке конструктивных мер, направленных на разрешение всех тех задач, которые заставили нас отложить холодная война. К счастью, Джордж Кеннан (люка что единственный из бывших и нынешних должностных лиц, который имел смеелость признать наши прежние просчеты) уже наметил с известной смелостью принципы более совершенной политики, и его предложения могут быть разработаны и расширены во многих направлениях, если только мы преодолеем такой фактор, как предубеждение наших официальных кругов по отношению к России и упорную приверженность к средствам массового уничтожения.

Однако для внесения каких бы то ни было практических предложений мы прежде всего должны вернуться к человеческим чувствам и моральным идеалам, руководствоваться интересами сохранения жизни на земле. Проблемы, которые наша страна пыталась разрешить с помощью механических орудий, приводимого в действие отрезанным от жизни и лишенным моральных критериев механическим интеллектом, не могут быть разрешены таким путем.

Государственные деятели должны понять, что настал час вернуть должное место принципам гуманности, и выдвинуть благородные и смелые предложения во имя сохранения жизни человечеству и прогресса.

местным условиям Индии, к обстановке и климату. В Бхилиан очень жарко, часты ливни. Однако это не помеха успешной работе наших советских друзей. Советские специалисты и рабочие глубоко уважают местные законы и обычаи.

Я как представитель 400-миллионного индийского народа высоко ценю помощь Советского Союза и благодарю его не только за проекты, оборудование и техническую помощь. Бхилиан, но и за необыкновенный дух дружбы, которым пронизан наш совместный труд. Эта благодарность относится ко всем советским рабочим и работницам, мастерам и инженерам, сотрудникам государственных органов, связанных со строительством в Бхилиан. И прежде всего, конечно, я хочу поблагодарить премьер-министра Н. С. Хрущева, который с постоянным вниманием относится к нуждам индийской страны, к развитию дружеских отношений и делового сотрудничества между СССР и Индией.

Каковы, по-Вашему, перспективы сотрудничества между нашими государствами?

Я думаю, что перед нами открываются самые богатые, самые широкие перспективы. Надеюсь, что Советский Союз будет играть в развитии нашей экономики еще более важную роль. Говоря о взаимном сотрудничестве, я забыл упомянуть, что в СССР на многих производственных предприятиях созданы технологические институты, которые готовят специалистов в области физики, химии, металлургии. Весной этого года премьер-министр Джавахарлал Неру заложил первый камень фундамента нового здания института. Таким образом, у нас уже есть ценный опыт мирного делового сотруд-

стрированы грозящие нам опасности, наши представители помогли провалить советскую попытку сделать террор и зверства средствами управления.

К моменту изобретения атомной бомбы наши правительства не искали оправданий, чтобы пустить ее в ход. Гуманные призывы к отказу от этого оружия, исходившие от ученых-атомников (везельсон оказывались перед моральным кризисом, которого они не предвидели, работая над изобретением атомной бомбы), были автоматически отброшены. И все же взрывы в Хиросиме и Нагасаки, столь трагические по своему характеру, бросили ослепительный свет на весь этот процесс, вызвав у людей ужас и тяжкие сомнения: на какой-то момент сознание моральной вины ослабило нашу непомерную гордыню. Но эта реакция оказалась не только запоздалой, но и кратковременной. Не ядерное оружие заставило нас избрать стратегию уничтожения; напротив, наше решение сосредоточиться на методах уничтожения привело нас к одностороннему маниакальному увлечению ядерным оружием.

Когда мы отказались от моральных запретов, исключивших бесчеловечные убийства и массовое уничтожение, мы стали увеличивать разрушительную мощь нашего ядерного оружия. Мало того, наша гордыня по поводу этого достижения выразилась в извращенном виде — мы стали отождествлять свою безопасность и благополучие с односторонним расширением нашей системы вооружений.

Даже до того, как мы открыли связи себя политикой холодной войны, — а ныне это уже устаревшая военная концепция доатомной эры, — наши руководители предпочли окружить Советский Союз угрожающим кольцом военно-воздушных баз, вместо того чтобы терпеливо и осмотрительно проводить курс, направленный к созданию в будущем духа взаимопонимания и сотрудничества.

В 1947 году эту ситуацию, при всей ее серьезности, нельзя было назвать катастрофической. Наши ошибки, заключавшиеся в том, что мы обратились к средствам массового уничтожения, могли бы вывест и нас самих, и весь остальной мир на правильный путь, если бы мы признали их открыто и честно. Тогда наша система тоталитарного оружия не имела еще прочных оснований и не угрожала нашим свободным институтам; органы демократического общества, которые война скорее укрепила, нежели подвела, к тому времени еще не были так ослаблены официальной секретностью, репрессиями, подозрениями, трусливым конформизмом и коррупцией, на которую обречена абсолютная власть, огражденная от общественной критики. Между тем, как это ни печально, стратегия массового уничтожения, которая не выдержала бы публичного обсуждения или открытых оценок, быстро оформлялась.

Вместо того чтобы провести ряд международных конференций и всесторонне обсудить ядерную угрозу, наши официальные круги намеренно преуменьшали опасность. Американское правительство прибрело к настоящей пропаганде и идеологической обработке граждан, чтобы вызвать у них ложное ощущение безопасности. Вместо того чтобы вернуть наши моральные позиции, прекратить бесрассудные эксперименты, которые приводят к все большему и большему отравлению атмосферы, а поэтому вызывают обоснованное беспокойство во всем мире, — мы просто опровергали необходимость отказа от этих экспериментов и позволили Советскому Союзу, после того как он дождал нас, перехватить моральную инициативу в этой области. Даже на недавней международной конференции, где явно были продемон-

стрированы грозящие нам опасности, наши представители помогли провалить советскую попытку сделать террор и зверства средствами управления.

К моменту изобретения атомной бомбы наши правительства не искали оправданий, чтобы пустить ее в ход. Гуманные призывы к отказу от этого оружия, исходившие от ученых-атомников (везельсон оказывались перед моральным кризисом, которого они не предвидели, работая над изобретением атомной бомбы), были автоматически отброшены. И все же взрывы в Хиросиме и Нагасаки, столь трагические по своему характеру, бросили ослепительный свет на весь этот процесс, вызвав у людей ужас и тяжкие сомнения: на какой-то момент сознание моральной вины ослабило нашу непомерную гордыню. Но эта реакция оказалась не только запоздалой, но и кратковременной. Не ядерное оружие заставило нас избрать стратегию уничтожения; напротив, наше решение сосредоточиться на методах уничтожения привело нас к одностороннему маниакальному увлечению ядерным оружием.

Когда мы отказались от моральных запретов, исключивших бесчеловечные убийства и массовое уничтожение, мы стали увеличивать разрушительную мощь нашего ядерного оружия. Мало того, наша гордыня по поводу этого достижения выразилась в извращенном виде — мы стали отождествлять свою безопасность и благополучие с односторонним расширением нашей системы вооружений.

Даже до того, как мы открыли связи себя политикой холодной войны, — а ныне это уже устаревшая военная концепция доатомной эры, — наши руководители предпочли окружить Советский Союз угрожающим кольцом военно-воздушных баз, вместо того чтобы терпеливо и осмотрительно проводить курс, направленный к созданию в будущем духа взаимопонимания и сотрудничества.

В 1947 году эту ситуацию, при всей ее серьезности, нельзя было назвать катастрофической. Наши ошибки, заключавшиеся в том, что мы обратились к средствам массового уничтожения, могли бы вывест и нас самих, и весь остальной мир на правильный путь, если бы мы признали их открыто и честно. Тогда наша система тоталитарного оружия не имела еще прочных оснований и не угрожала нашим свободным институтам; органы демократического общества, которые война скорее укрепила, нежели подвела, к тому времени еще не были так ослаблены официальной секретностью, репрессиями, подозрениями, трусливым конформизмом и коррупцией, на которую обречена абсолютная власть, огражденная от общественной критики. Между тем, как это ни печально, стратегия массового уничтожения, которая не выдержала бы публичного обсуждения или открытых оценок, быстро оформлялась.

Вместо того чтобы провести ряд международных конференций и всесторонне обсудить ядерную угрозу, наши официальные круги намеренно преуменьшали опасность. Американское правительство прибрело к настоящей пропаганде и идеологической обработке граждан, чтобы вызвать у них ложное ощущение безопасности. Вместо того чтобы вернуть наши моральные позиции, прекратить бесрассудные эксперименты, которые приводят к все большему и большему отравлению атмосферы, а поэтому вызывают обоснованное беспокойство во всем мире, — мы просто опровергали необходимость отказа от этих экспериментов и позволили Советскому Союзу, после того как он дождал нас, перехватить моральную инициативу в этой области. Даже на недавней международной конференции, где явно были продемон-

стрированы грозящие нам опасности, наши представители помогли провалить советскую попытку сделать террор и зверства средствами управления.

К моменту изобретения атомной бомбы наши правительства не искали оправданий, чтобы пустить ее в ход. Гуманные призывы к отказу от этого оружия, исходившие от ученых-атомников (везельсон оказывались перед моральным кризисом, которого они не предвидели, работая над изобретением атомной бомбы), были автоматически отброшены. И все же взрывы в Хиросиме и Нагасаки, столь трагические по своему характеру, бросили ослепительный свет на весь этот процесс, вызвав у людей ужас и тяжкие сомнения: на какой-то момент сознание моральной вины ослабило нашу непомерную гордыню. Но эта реакция оказалась не только запоздалой, но и кратковременной. Не ядерное оружие заставило нас избрать стратегию уничтожения; напротив, наше решение сосредоточиться на методах уничтожения привело нас к одностороннему маниакальному увлечению ядерным оружием.

Когда мы отказались от моральных запретов, исключивших бесчеловечные убийства и массовое уничтожение, мы стали увеличивать разрушительную мощь нашего ядерного оружия. Мало того, наша гордыня по поводу этого достижения выразилась в извращенном виде — мы стали отождествлять свою безопасность и благополучие с односторонним расширением нашей системы вооружений.

Даже до того, как мы открыли связи себя политикой холодной войны, — а ныне это уже устаревшая военная концепция доатомной эры, — наши руководители предпочли окружить Советский Союз угрожающим кольцом военно-воздушных баз, вместо того чтобы терпеливо и осмотрительно проводить курс, направленный к созданию в будущем духа взаимопонимания и сотрудничества.

В 1947 году эту ситуацию, при всей ее серьезности, нельзя было назвать катастрофической. Наши ошибки, заключавшиеся в том, что мы обратились к средствам массового уничтожения, могли бы вывест и нас самих, и весь остальной мир на правильный путь, если бы мы признали их открыто и честно. Тогда наша система тоталитарного оружия не имела еще прочных оснований и не угрожала нашим свободным институтам; органы демократического общества, которые война скорее укрепила, нежели подвела, к тому времени еще не были так ослаблены официальной секретностью, репрессиями, подозрениями, трусливым конформизмом и коррупцией, на которую обречена абсолютная власть, огражденная от общественной критики. Между тем, как это ни печально, стратегия массового уничтожения, которая не выдержала бы публичного обсуждения или открытых оценок, быстро оформлялась.

Вместо того чтобы провести ряд международных конференций и всесторонне обсудить ядерную угрозу, наши официальные круги намеренно преуменьшали опасность. Американское правительство прибрело к настоящей пропаганде и идеологической обработке граждан, чтобы вызвать у них ложное ощущение безопасности. Вместо того чтобы вернуть наши моральные позиции, прекратить бесрассудные эксперименты, которые приводят к все большему и большему отравлению атмосферы, а поэтому вызывают обоснованное беспокойство во всем мире, — мы просто опровергали необходимость отказа от этих экспериментов и позволили Советскому Союзу, после того как он дождал нас, перехватить моральную инициативу в этой области. Даже на недавней международной конференции, где явно были продемон-

стрированы грозящие нам опасности, наши представители помогли провалить советскую попытку сделать террор и зверства средствами управления.

К моменту изобретения атомной бомбы наши правительства не искали оправданий, чтобы пустить ее в ход. Гуманные призывы к отказу от этого оружия, исходившие от ученых-атомников (везельсон оказывались перед моральным кризисом, которого они не предвидели, работая над изобретением атомной бомбы), были автоматически отброшены. И все же взрывы в Хиросиме и Нагасаки, столь трагические по своему характеру, бросили ослепительный свет на весь этот процесс, вызвав у людей ужас и тяжкие сомнения: на какой-то момент сознание моральной вины ослабило нашу непомерную гордыню. Но эта реакция оказалась не только запоздалой, но и кратковременной. Не ядерное оружие заставило нас избрать стратегию уничтожения; напротив, наше решение сосредоточиться на методах уничтожения привело нас к одностороннему маниакальному увлечению ядерным оружием.

гонки абсолютно бессмысленны. Знание чемпиона Австралии никому не нужно. Все равно через две недели всему копец. И все-таки люди мчатся в немисслемом темпе, автомобили вылетают с трюка, кувьраются, разбиваются, врезаются, как янтаря скорлупа, сталкиваются, взрываются — и несутся, несутся с чудовищной, самоубийственной скоростью.

Эпизод символически: гонки, в которых только один финал — смерть.

Именно здесь впервые отчетливо возникает у зрителя ощущение мысли автора: остановитесь! Еще не поздно!

Эта мысль уже во весь голос звучит в финале:

Есть еще время! Ну, разумеется, в картине далеко не все хорошо. Уже сказано: острый кинематограф, выразительная деталь, добрым — и хорошая работа с актерами. Но вот личный сюжет — это вполне банальная, ремесленная стряпня.

Конечно, есть тут обольстительница с привлекательными свежими формами, потрепавшая уж очень много виски и меняющая мужчин, как чулки, — такая вучуная племянница Брет Оули из «Фиесты» Хемингуэя, но доведенная до уровня ширпотреба. Газуемтся, она пытается соблазнить американца, командира подводной лодки. Но тот не только состоит из офицера и семейного долга и ошарашиван в отличную, мужественную форму певого сорта.

Все сразу ясно: этого не совратитш! Наоборот, обольстительница, А вот тогда командир лодки, по-видимому, дрогнет: жана-то водки, по-видимому, еще полнасти... Есть, дрогнул... Неможно терпеть... и бует тот самый поцелуй... Вот он! Когда-то в Голливуде цензура ограничивала длительность поцелуев, кажется, двумя метрами. Но, очевидно, запрет отменен (может быть, по случаю гибели человечества?), — тут метров много было...

Что подлаешь? — режиссер явно отдал дань коммерческому сборам. А жалы! Если бы место, которое занимает эта несезная бульварная история, было бы отдано для внимательного и точного исследования настоящих людей в таких обстоятельствах, — насколько благодарнее стала бы картина!

Я слышал такое мнение: как это можно, чтобы все умирали? Нет, нужно было показать, что австралийцы борются, — пусть они хоть по земле зарываются, но пусть будут надежда.

Я полагаю, что в данном случае это не совсем верно.

Разумеется, если бы мы, советские художники, решили бы такую тему, — мы решили бы ее совсем по-другому. Мы показали бы, как силы жизни встают против смерти и побеждают ее. И мы были бы правы.

Но перед нами — памфлет, сделанный американским режиссером.

В памфлете мысль должна быть доведена до крайней, предельной остроты. Только тогда он достигает цели. Цель картины — сказать человечеству: остановитесь, иначе...

А что «иначе», очень точно рассказывает ученый в кюот-компании лодки. Его спрашивают: что же начал войну? Он отвечает: неизвестно. И никто никогда не узнает. Какому-нибудь ослу померещилось что-то на экране радара, — он и нажал кнопку. А когда он нажал кнопку, все пошло автоматическим...

Иными словами: начал войну тот, кто упрамо цеплялся за водородные бомбы, кто отравил мир подозрениями, кто подвешивал атомный груз под крыльями самолетов, крейсирующих вдоль берегов европейских стран.

Чтобы доказать, что человечество может истребить себя, если не прекратит гонка ядерного оружия, авторы картины доводят мысль до образного предела: человечество истребляет себя.

Это — художественное предупреждение. И очень важно, что оно конкретно, образно, оцифровано.

Картина «На берегу» заставит работать воображение даже самого тупого человека. Любому придет в голову мысль: «А что, если...». Ну, и так далее... Вспомни от свой дом, свою жену и детей, вспомни, как выглядит корючка с «этим» пилюлями, очередь за пилюлями... Вспомни слова командира подводной лодки: «Я всегда думал, что моя жена и дети в безопасности, что рискую жизнью именно я... А вот теперь я еще жив, а жена и дети... Полезные мысли! Нужные мысли!

Хорошо, что в американском кино появилась такая картина.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите выразить через Вашу газету глубокую благодарность всем друзьям, товарищам и организациям, приславшим нам свои соболезнования по поводу постигшего нас неутешного и беспредельного горя — смерти незабвенного Юрия Николаевича Либединского, ЛИБЕДИНСКИЕ

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ. 196... ГОД

Война с применением атомного и водородного оружия — чудовищных средств разрушения и уничтожения, — если позволил ей разразиться, привела бы к катастрофическим последствиям. К такому выводу приходят ныне многие писатели и публицисты Запа- да. Оценивая внешнеполитический курс Вашингтона, они признают банкротство дипломатии «холодной войны», политики «сиэ позици силлы».

Выход из тупика

Льюис МЭМФОРД, американский писатель

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ МИРНОГО СОЩЕСТВОВАНИЯ

О том, насколько властны в США требования покончить с гонкой вооружения, позволяет судить статья американского писателя Льюиса Мэмфорда «Мораль уничтожения» в журнале «Атлантик мансли», которую мы перепечатаем в значительно сокращенном виде.

тальной войны, подходящей для бронзового века, привела бы к катастрофическим последствиям. К такому выводу приходят ныне многие писатели и публицисты Запа- да. Оценивая внешнеполитический курс Вашингтона, они признают банкротство дипломатии «холодной войны», политики «сиэ позици силлы».

О том, насколько властны в США требования покончить с гонкой вооружения, позволяет судить статья американского писателя Льюиса Мэмфорда «Мораль уничтожения» в журнале «Атлантик мансли», которую мы перепечатаем в значительно сокращенном виде.

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ МИРНОГО СОЩЕСТВОВАНИЯ

О том, насколько властны в США требования покончить с гонкой вооружения, позволяет судить статья американского писателя Льюиса Мэмфорда «Мораль уничтожения» в журнале «Атлантик мансли», которую мы перепечатаем в значительно сокращенном виде.

С 1945 года американское правительство посвящает большую часть нашей национальной энергии подготовке к массовому уничтожению людей. Это странное предприятие выдвигается за научно обоснованный метод обеспечения всеобщего мира и национальной безопасности, но оно явно оказалось несостоятельным в обоих отношениях. Безрассудные ядерные взрывы пока что как бы представляют собой лишь рекламу ловкого коммивояжера, показывающего, что принесет ядерная война, — но даже и они уже нанесли человечеству значительный ущерб. По закону возмездия первыми жертвами наших экспериментов — наряду с жителями островной южной части Тихого океана и японскими рыбаками — будут наши собственные дети и даже будущие дети наших детей.

Почти с самого начала все усилия и средства, которые мы тратили на создание ядерного оружия, были открыто направлены против одной-единственной страны — Советской России.

Сегодня политическая и военная стратегия наших руководителей, основываясь на той предпосылке, что наша страна постоянно будет иметь перевес в области ядерного оружия, оказалась настолько несостоятельной, что это обанкротившееся предприятие едва ли можно ликвидировать без серьезного ущерба.

В то время как каждое научное достижение в области ядерного оружия и межконтинентальных ракет лишь придает мировой масштаб катастрофе, которую мы подготовляем, наши руководители по-прежнему сосредоточивают все усилия страны на том, чтобы форсировать эти достижения.

Что сказать о нашем благоразумии, если мы вернем свою жизнь политическим, военным и научным советникам, которые поставили наше существование как нации в зависимость от одного-единственного вида оружия?

Что же даю толчок той ценной реакции ошибок, просчетов, заблуждений и принудительных мер, которая довела нас до нынешнего совершенно невозможного положения?

Первый шаг к разработке новой политики заключается в том, чтобы оглянуться назад и определить тот этап нашего пути, где мы роковым образом связали себя с оружием массового уничтожения. Важно помнить, что моральная палка не была ответом на какую-либо угрозу со стороны Советского Союза или коммунизма; она не была вызвана и тем, что СССР является обладателем такого же оружия. Принятие нами курса на уничтожение предшествовало изобретению атомной бомбы.

Принципы, на которых основывалась стратегия уничтожения, впервые были провозглашены военными теоретиками фашистского толка, а именно генералом Дуэ, который, так же как наш майор Северский, полагал, что небольшая авиация может заменить большую армию, ограничиваясь массированными налетами на гражданское население и подорвав тем самым волю нации к сопротивлению. Этот возврат к порочной практике то-

стривания грозящие нам опасности, наши представители помогли провалить советскую попытку сделать террор и зверства средствами управления.

К моменту изобретения атомной бомбы наши правительства не искали оправданий, чтобы пустить ее в ход. Гуманные призывы к отказу от этого оружия, исходившие от ученых-атомников (везельсон оказывались перед моральным кризисом, которого они не предвидели, работая над изобретением атомной бомбы), были автоматически отброшены. И все же взрывы в Хиросиме и Нагасаки, столь трагические по своему характеру, бросили ослепительный свет на весь этот процесс, вызвав у людей ужас и тяжкие сомнения: на какой-то момент сознание моральной вины ослабило нашу непомерную гордыню. Но эта реакция оказалась не только запоздалой, но и кратковременной. Не ядерное оружие заставило нас избрать стратегию уничтожения; напротив, наше решение сосредоточиться на методах уничтожения привело нас к одностороннему маниакальному увлечению ядерным оружием.

Когда мы отказались от моральных запретов, исключивших бесчеловечные убийства и массовое уничтожение, мы стали увеличивать разрушительную мощь нашего ядерного оружия. Мало того, наша гордыня по поводу этого достижения выразилась в извращенном виде — мы стали отождествлять свою безопасность и благополучие с односторонним расширением нашей системы вооружений.

Даже до того, как мы открыли связи себя политикой холодной войны, — а ныне это уже устаревшая военная концепция доатомной эры, — наши руководители предпочли окружить Советский Союз угрожающим кольцом военно-воздушных баз, вместо того чтобы терпеливо и осмотрительно проводить курс, направленный к созданию в будущем духа взаимопонимания и сотрудничества.

В 1947 году эту ситуацию, при всей ее